

Архивные разыскания

Мировой сюжет о пакте с дьяволом

Р. Г. Назиров

Ромэн Гафанович Назиров был историком сюжетов. Приблизительно в 1980-х годах после завершения докторской диссертации «Традиции Пушкина и Гоголя в русской прозе. Сравнительная история фабул», которая будет защищена только в середине 1990-х, учёный задумывает монументальный труд «Превращения сюжетов», в который, судя по планам и наброскам¹, должны были войти его статьи об эволюции некоторых архаических фабул.

Однако законченный труд так и не появился на свет и в архиве Р. Г. Назирова остались только следы работы над большой книгой. Доступным внешнему мир материальным свидетельством несостоявшейся истории сюжетов стали вышеупомянутые статьи² и посмертно изданный словарь-справочник сюжетов и типов³

Публикуемая в настоящем номере ДКХ заметка⁴ не повторяет текста ни одной статьи словаря-справочника. Несмотря на кажущуюся идейную близость описываемого в этой заметке сюжета к фаустовской традиции статья «Фауст» в словаре-справочнике гораздо короче и не содержит раскрытых в данном тексте исторических предпосылок (Теофил, Сильвестр II и проч.)⁵. Такой серьёзный подход к систематизации исторических предпосылок в формировании фабульной традиции вполне свойствен учёному, отвергшему возможность простого копирования существующих заметок и написавшему текст заново. Это же может свидетельствовать о существовании замысла более развёрнутой и подробной авторской версии словаря-справочника, которая снимала бы часть претензий к изданной книге⁶.

Текст этой заметки записан на отдельном листке и вложен в тетрадь, посвящённую Н. В. Гоголю⁷, поэтому не следует удивляться финаль-

¹Опубликованы в: Назиров Р. Г. Из архива учёного // Русское слово в Республике Башкортостан. Уфа: РИЦ БашГУ, 2011. С. 210–217.

²Большая их часть републикована в Назиров Р. Г. О мифологии и литературе, или Преодоление смерти. Статьи и исследования разных лет. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 2010.

³Назиров Р. Г. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник. Уфа: РИЦ БашГУ, 2012.

⁴АРГН оп. 2, д. 52D, л. 1-23–1-25.

⁵Нужно указать на специальную статью: Гумерова Н. Р. Назировская рецепция Фауста и Фауст Марло // Назировский архив. 2015. № 1. С. 163–171

⁶См. артикуляцию претензий в Комова Т. Д. Р. Г. Назиров. Международные литературные сюжеты и типы: словарь-справочник // Назировский архив. 2014. № 1. С. 141–147.

⁷О почти не выраженном в прижизненных публикациях интересе к Гоголю со стороны Р. Г. Назирова приходилось неоднократно писать публикаторам архива. Из числа

ной части текста, показывающей локализацию мирового сюжета на русской почве.

Даже этот небольшой фрагмент способен продемонстрировать глубину обобщений и масштаб историко-литературной панорамы, которую создавал в своих работах Р. Г. Назиров. Соединённые вместе разбросанные по архиву пролегомены к неосуществлённой книге «Превращения сюжетов» могли бы существенно расширить наше представление об исторических механизмах нарративов мировой культуры. Настоящая публикация вносит небольшой вклад именно в этот проект.

Б. В. Орехов

Сюжет о продаже души чёрту широко распространён в мировом фольклоре, откуда он проник в литературу. «Средневековым Фаустом» историки лит-ры называют Теофила, героя старой легенды. Этот киликийский архидиакон VII века продал душу Сатане, чтобы с его помощью очиститься от ложного обвинения, к-рое возвёл на Теофила его епископ. В конце Теофил спасён бдрия заступничеству Пречистой Девы. В VIII в. монахиня Хр-свита Гандерсхаймская написала о Теофиле поэму в латинских гексаметрах; она проявила местами оригинальное и живое воображение, особенно в описании ритуала при дворе Сатаны.

О великом учёном Герберте из Ориийяка (он же папа Сильвестр II) сложилась легенда, что он ради денег и славы продал душу чёрту. В одном из вариантов легенды он в последний момент спасён. Сходная легенда сложилась о Роджере Бэконе. В XVI в. в Германии сложилась легенда о Фаусте; типограф Шпис издал о нём анонимную народную книгу, и Кристофер Марло вскоре написал первую трагедию о Фаусте.

«Польский Фауст» — пан Твардовский, придворный маг короля Сигизмунда.

С течением времени сюжет о Фаусте банализировался и стал кукольной драмой. Лессинг вновь открыл тему Фауста для худож. лит-ры; он имел два палана «Фауста»: 1) der «ganz menschlich», без чёрта, в духе мещанской трагедии; 2) второй должен был следовать образцу старой фабулы. Из второго замысла отдельные сцены сообщены Лессингом в «17. Literaturbrief» (1759); их дополняют сообщения друзей Лессинга. В духе своего просветительского гуманизма Лессинг решил завершить фабулу спасением Фауста, несмотря на его нераскаянную жажду знаний. Он так и не написал этой трагедии, но его идеями воспользовался Гёте.

Главная черта его героя — дух исканий, вечная неудовлетворённость. Das schon im ersten Teil von Goethes «Faust» aufklingende Lebengefühl des «faustischen» Menschen, das O. Spengler hundert Jahre später als Reunzeichen der abendländischen Kultur aufgefaßt wissen wollte, spiegelte sich im 19. Jahrhundert

---

посмертных публикаций см., например, Назиров Р. Г. Заметки о Н. В. Гоголе. Сновидения // Вестник Башкирского государственного педагогического университета им. М. Акмуллы. 2011. № 1. С. 169–177; Назиров Р. Г. Герои раннего Гоголя // Литературная классика: публикации, комментарии, отражения. Сборник научных трудов. Уфа: Издательство БГПУ, 2012. С. 17–24.

von allem in Leben und Work Lord Byrons, aber auch in der Werken Shelleys, in Dichtungen wie Chamissos Peter Schlemihl, Immermans Merlin, Carlyles Sartor Resartus, Mickiewicz' Madame Twardowska, A. Willbrandts Meister von Palmyra, W. Jordans Demiurgos, R. Hammerlings Homunculus und sogar in den Schauerromanen M. G. Lewis' und C. R. Maturins⁸.

«Melmoth the Wanderer» Мэтьюрина направлен против «Фауста» Гёте и отчасти с ним связан (линия Гретхен → Айседора). С «Мельмотом Скитальцем» связаны «Портрет» Гоголя и «Портрет Дориана Грея» Оскара Уальда.

После трагедии Гёте масса его эпигонов разжижала тему. В более или менее мифических и фантастических фигурах черты Фауста соединялись с чертами Агасфера., Дон Жуана и Прометейя. Но отдельные таланты выступали против Гёте. Так, N. Lenau создал episches Gedicht «Faust», где гётевскому Фаусту противопоставлен полностью оторвавшийся от Бога и природы представитель индивидуалистически-нигилистического мировоззрения.

«Вечер накануне Ивана Купала»

Гоголь черпал из фольклора. Нечистый даёт людям клады в обмен за их душу. В первой публикации повести это прямо сказано («Отеч. записки», 1830, № 118, с. 255–256); в последующих редакциях Гоголь снял эти строки. Требование «достать крови члчской» в расплату за клад тоже хорошо известно фольклористам.

Овладение кладом через пролитие крови, в иных случаях — крови ребёнка, — эта тема своими истоками восходит к глубокой древности (возникла на греко-римской почве, но достигает полного развития в Византии) и в разных вариациях живёт донныне в фольклоре.

В русском и укр. фольклоре есть и «демон-кладовик», и поверье о цветке папоротника.

Н. С. Тихонравов наиболее убедит-но писал о литературных связях «Вечера накануне И. К.»: Гоголь, Соч., 10-е изд., т. I, с.526 и след. Тихонравов развернул общие наблюдения и замечания Надеждина («Телескоп», 1831, № 20, с. 653). В гоголевской повести, по мнению Тихонравова, мотивы пролития крови ребёнка, появления красного света и полного выпадения из памяти Петруся наиболее сильных впечатлений позаимствованы Гоголем из «Leibeszauber» Тика — под свежим впечатлением только вышедшего русского перевода «Чары любви», журнал «Галатейя», 1830, № 10, с. 157–185; № 11, с. 127–240.

⁸Уже в первой части «Фауста» Гёте нарастающее ощущение жизни «фаустианского» человека, которое О. Шпенглер сто лет спустя понимал как знак западной культуры, отражается в XIX веке в первую очередь в жизни и работе лорда Байрона, а также в произведениях Шелли, в таких стихотворениях как «Петер Шлемиль» Шамиссо, «Мерлин» Иммерманна, «Sartor Resartus» Карлейля, «Пани Твардовска» Мицкевича, «Герой Пальмиры» А. Вильбрандта, «Демииург» В. Йордана, «Гомункулус» Р. Гамерлинга и даже в романах ужасов М. Г. Льюиса и Ч. Р. Мэтьюрина. — перевод О. А. Созиновой

Тихонравов не отметил, что Гоголь мог знать и более ранний перевод повести Тика — «Колдовство» («Славянин», 1827, ч. III, с. 331–350; 370–388).

Заметим, что в гоголевской «готике» дерзкие смельчаки всегда остаются обмануты дьяволом; это народная традиция, не прошедшая через Гёте.